

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДРЕВНИХ УГРОВ-МАДЬЯР В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ ИЛИ КАК СООТНОСИТСЯ ЭМПИРИКА С МЕТАПОСТРОЕНИЯМИ

Владимир Александрович Иванов*

Ключевые слова: *Magna Hungaria*, кушнаренковская и караякуповская культуры, угры, мадьяры, бакальская общность

Kulcsszavak: *Magna Hungaria*, *kusnarenkovói és karajakupovói kultúra*, *ugorok*, *magyarok*, *bakalszkojei kulturális egység*

Владимир Александрович Иванов

Археологическое источниковедение древних угров-мадьяр в Урало-Поволжье или как соотносится эмпирика с метапостроениями

В статье анализируется соотношение дискурсов о пребывании древних угров-мадьяр (венгров) в Урало-Поволжском регионе с теми эмпирическими данными, на которых базируется эта проблема. По мнению автора, между содержанием предлагаемых дискурсов и археологическими источниками существует разрыв: дискурсы строятся вне контекста археологического источниковедения. И как следствие – сама по себе проблема (археологическое содержание «Великой Венгрии – Magna Hungaria» на Урале) приобретает уже гротескные черты: «древние венгры» оказываются везде, где их хотят найти (и находят) современные уральские археологи. Соответственно, археологическое содержание Magna Hungaria и ее географические границы приобретают все менее определенные очертания.

Vlagyimir Alekszandrovics Ivanov

A korai magyarok Volga–Urál-vidéki régészeti hagyatékának kutatása, avagy az empiria és a fantazmagória viszonyáról

A tanulmány a korai ugorok (magyarok) Volga–Urál-vidéki jelenlétéről folytatott különböző viták és a korai magyar problematika alapját képező egzakt adatok viszonyát vizsgálja. A szerző véleménye szerint az említett viták tartalma és a régészeti adatok nincsenek átfedésben egymással, az egyes elméletek ugyanis nem veszik figyelembe a régészeti források által nyújtott kereteket. Ennek következtében a korai magyar problematika (illetve az uráli őshaza, Magna Hungaria régészeti vonatkozása) egészen groteszk kontextusba kerül: a kortárs uráli régészek mindenhol 'korai magyarokat' vizionálnak, ahol meg szeretnék őket találni (és meg is találják). Emiatt viszont Magna Hungaria régészeti tartalma és földrajzi határainak leírása egyre homályosabb lesz.

В течение уже более 100 лет российские и венгерские ученые – историки, археологи, лингвисты – периодически обращаются к проблеме поиска и историко-географической идентификации прародины древних венгров-мадьяр в Восточной Европе. Основные аспекты проблемы: хронологические рамки, географические границы и археологическое содержание Древней Вен-

грии – *Magna Hungaria*, впервые обозначенной в европейских письменных источниках XIII в.

Первые попытки обнаружить археологические следы пребывания древних венгров на востоке Европы, предпринятые основоположниками венгерской научной археологии Е. Зичи и Б. Поштой в конце XIX в., закончились неудачей: прямых прототипов венгерским древно-

* Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 450076 г. Уфа, ул. Октябрьской революции 3а, ivanov-sanych@inbox.ru

стям в российских музеях они не нашли.¹ Более того, сама концепция местонахождения *Magna Hungaria* на территории России была отвергнута основоположниками российской археологии.²

В течение 20-го столетия проблема поиска *Magna Hungaria* на востоке Европы периодически становилась объектом усиленного внимания советских и венгерских исследователей. Для советских археологов стимулом к этому выступали вновь открываемые археологические культуры (главным образом на территории Урало-Поволжья), не обнаруживающие прямой генетической связи с предшествующими культурами эпохи раннего железного века – бахмутинская, именьковская. Опираясь на сведения средневековых нарративистов XII–XIII вв. Венгерского Анонима и Юлиана, они трактовали эти новые археологические культуры как древневенгерские.³

Венгерские археологи в своей мотивации исходили из задачи поиска истоков венгерской культуры конца IX–X вв. н.э. («периода обретения родины на Дунае», по современному определению – «арпадского периода») в археологических культурах эпохи раннего средневековья Восточной Европы. Идеологическим и методическим обоснованием поиска в указанном направлении служили монографическая статья венгерского историка и политика Э. Мольнара, посвященная начальным этапам истории венгерского народа⁴ и соответствующий раздел шестой главы официального академического издания «Очерки истории СССР. III–IX вв.», прямо озаглавленный «Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях» Н. Я. Мерперта.⁵

Десятилетие 1960-х гг. какого-либо прорыва в решение проблемы *Magna Hungaria* в восточной Европе не принесло. Археологические памятники венгров «периода обретения родины», основная масса которых были открыты и исследованы в первой половине XX в., обнаруживали гораздо больше морфологических различий,

нежели сходства с синхронными памятниками культур Восточной Европы – салтово-маяцкой, раннебулгарской. Единственным связующим звеном между ними оказывались некоторые типы убранства костюма, вооружения и конской сбруи. И к началу 1970-х гг. дискуссия о локализации и археологическом содержании *Magna Hungaria* зашла в тупик и начала угасать. В немалой степени этому способствовала и кратковременная дискуссия среди лингвистов, показавшая несостоятельность теории «башкиро-мадьярского этнокультурного родства».

Ситуация резко изменилась к середине 1970-х гг. в связи с открытием и исследованием Е. А. Халиковой Больше-Тиганского могильника на востоке современного Татарстана. Признаки погребального обряда и многие типы вещевого комплекса этого памятника нашли свои ближайшие аналогии в венгерских могильниках «периода обретения родины/арпадского периода», типа Сегед-Боярхалом, Хенцида, Орошхаза II, Тисаэслар-Башхалом II, Ракамаз и др. Но самое примечательное заключалось в том, что Е. А. Халикова установила морфологическую близость Больше-Тиганского могильника с могильниками кара-якуповской культуры VIII–IX вв. на территории Башкирии, которую Н. А. Мажитов в то время уже интерпретировал как древнебашкирскую.⁶

В дискуссии по поводу пребывания древних венгров в Урало-Поволжье, развернувшейся на Международном финно-угорском конгрессе в Будапеште в сентябре 1975 г., отчетливо обозначились три позиции по этому вопросу. Первая – Е. А. Халиковой, отстаивавшей идею идентификации *Magna Hungaria* с ареалом кара-якуповской культуры; вторая – В. Ф. Генинга, интерпретировавшего «кушнаренковцев» и «кара-якуповцев» как угро-самодийцев (но не венгров), третья – И. Фодора, связывавшего Больше-Тиганский могильник с теми венгра-

¹ MESTERHÁZY 2001, 323.

² Спицын 1914, 107–108.

³ Шмидт 1929, 26; Ахмеров 1952, 48; Мажитов 1959, 150–151; Степанов 1964, 144–146.

⁴ Мольнар 1955.

⁵ Мерперт 1958, 674–683.

⁶ Халикова 1976, 149–152.

ми, которые остались между Волгой и Уралом (в *Magna Hungaria*) после переселения основной массы венгров на Дунай.⁷

Я не ставлю перед собой задачи давать здесь полную историографию проблемы *Magna Hungaria* в Приуралье. До 1990-х годов она приведена у Е. А. Халиковой и в одной из моих работ.⁸ Вполне подробно она изложена в статьях А. В. Комара⁹ и Я. В. Пилипчука.¹⁰ Не говоря уже о специально ей посвященной монографии Б. Б. Овчинниковой и Г. Дьёни.¹¹ Свою задачу я вижу в том, чтобы показать ситуацию, сложившуюся вокруг источниковедческой составляющей данной проблемы, в настоящее время приближающуюся к гротеску.

Первое, что бросается в глаза, это параллелизм в восприятии и трактовке *Magna Hungaria*, как историко-географического понятия, археологами, историками-источниковедами и лингвистами. С археологической точки зрения, территория *Magna Hungaria* идентична ареалу распространения памятников кушнаренковской, караякуповской, неволинской и ломоватовской культур в Предуралье. Следует подчеркнуть, что никто из археологов не считает, что это была «венгерская прародина», поскольку все эти культуры в регионе появились уже в сложившемся виде. Причем, если «кушнаренковцы» и «кара-якуповцы» представляли собой, по сути, одну этническую группу зауральско-западносибирских угров (о чем свидетельствует высокий – более 60% – коэффициент типологического сходства кушнаренковских и караякуповских могильников), то «неволинцы» и «ломоватовцы» – другую, отличающуюся от первых по тем же признакам погребального обряда.¹² Кто из них был более близким предком венгров «арпадского периода» – вопрос, который еще пред-

стоит решить, поскольку и «кара-якуповцы», и «ломоватовцы» по своей погребальной обрядности обнаруживают одинаково высокое сходство с «арпадскими венграми».¹³

Историки-источниковеды, в своих исследованиях дистанцирующиеся от выводов археологов, *Magna Hungaria*, тем не менее, локализируют там же, то есть, между Волгой и Уральскими горами.¹⁴

Отношение лингвистов к проблеме «урало-поволжских венгров» также неоднозначное. Одни из них полностью и категорически отрицают даже самую возможность пребывания древних венгров между Волгой и Уралом.¹⁵ Другие вполне согласны с венгерским присутствием в этнической карте Предуралья эпохи средневековья. Здесь считаю необходимым привести цитату из В. В. Напольских – одного из самых серьезных критиков «угорской проблемы» в регионе: «*В то же время успехи отечественной археологии позволяют – даже при минимальной лингвистической поддержке – строить выглядящую на сегодня вполне адекватной и учитывающей все имеющиеся данные модель генезиса венгров и угров в целом* (выделено мной – В. И.), *основные элементы которой – поздняя угорская прародина, археологическим аналогом которой являются, видимо, андронидные культуры юго-запада Западной Сибири и Южного Зауралья второй половины II – начала I тыс. до н.э.; выделение степной группировки угров – протовенгров, отражающееся в сложении в VI в. до н.э. саргатской (саргатско-гороховской) культурно-исторической общности, распространившейся от Барабинской низменности до предгорий Урала; продвижение протовенгров-постсаргатцев в Предуралье и Прикамье, отразившееся, в частности, в сложении кушнаренковской (VI–VII вв. н.э.) и караяку-*

⁷ CONGRESSUS 1975.

⁸ Халикова 1976, 141–142; Иванов 1999, 6–18.

⁹ Комар 2011, 39–50.

¹⁰ Пилипчук 2015, 287–299; Пилипчук 2015а, 121–127.

¹¹ Овчинникова–Дьёни 2008.

¹² Белавин–Иванов–Крыласова 2009, 92, табл. 22.

¹³ Белавин–Иванов–Крыласова 2009, 117, рис. 21.

¹⁴ Зимони 2000; Пилипчук 2015а, 128.

¹⁵ Вереш 1995, 36.

повской (VIII–IX вв. н.э.) культур в бассейне реки Белой и нижнем Прикамье и т.д.». ¹⁶

На этом фоне, казалось бы, сама логика научного познания определяет «дорожную карту» дальнейших историко-археологических исследований проблемы *Magna Hungaria* в плане объединения усилий с целью вывода этого историко-географического понятия из бесконечного состояния гипотезы и превращения его в исторический факт. К сожалению, ситуация развивается в обратном направлении. И как это ни парадоксально, причина кроется в расширении источниковой базы по угорской археологии Урало-Поволжья и активизации внимания археологов и некоторых историков современной формации к проблеме.

В первом десятилетии текущего столетия проблема древних венгров на Южном Урале получила новый импульс, обусловленный усилением внимания исследователей к памятникам бакальской культуры в Зауралье и Западной Сибири. По инициативе С. Г. Боталова в 2007 г. был проведен первый «Научный семинар по проблемам бакальской культуры», на котором «были фактически оконтурены все вопросы, связанные с бакальской проблематикой». ¹⁷ Вопросы, действительно, оказались только «оконтурены», поскольку, во-первых, выяснилось, что и на эпонимном для данной культуры Большом Бакальском городище, и на других бакальских поселениях – Усть-Терсюкском, Коловском, Рафайловском, Носиловском и др. городищах – керамики кушнаренковского и караякуповского типов («кушнаренковско-караякуповского круга») очень мало, от 4% до 22%. ¹⁸ Во-вторых, эта керамика по своей морфологии не является «классической кушнаренковской или караякуповской», а, действительно, только относится к «кушнаренковско-караякуповскому кругу». В-третьих, основным районом локализации и концентрации памятников кушнаренковской и

караякуповской культур по-прежнему остается бассейн р. Белая в Предуралье, за пределами которого (Волго-Вятское междуречье, Сылва, Средняя Волга) кушнаренковская и караякуповская керамика встречается в весьма малом количестве ¹⁹ (рис. 1).

Данное обстоятельство должно было бы насторожить исследователей особенно в контексте формирования протомадьяр («кушнаренковцев» и «караякуповцев») в недрах «Бакальского историко-культурного горизонта (IV–VI вв. н.э.)». Этого не произошло. Напротив, С. Г. Боталов и его ученик и соавтор И. В. Грудочко рисуют масштабную (на площади более 750 тыс. км²) картину движения «протомадьяр» одновременно и на запад, в бассейн рр. Белой и Камы, и на юг, в степи Южного Зауралья. Там, в степях, они взаимодействуют с кочевниками Западнотюркского каганата, после чего происходит отток «позднекушнаренковско-караякуповского населения» опять в Зауралье и Предуралье. ²⁰

В развернутом виде С. Г. Боталов излагает свою концепцию этнокультурных процессов вокруг Урала в I тыс. н.э. в авторском разделе фундаментальной коллективной монографии «Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза)», опубликованной в 2016 г. С характерной для него масштабностью мышления и широтой кругозора автор для обоснования своей концепции привлекает весь известный археологический материал, не обращая при этом внимания ни на его источниковедческую проработанность, ни на его информационный потенциал. Поэтому многие положения этногенетической концепции С. Г. Боталова выглядят умозрительными.

Нужно отметить, что исследователь внимательно следит за течениями и методическими новациями в модернистской и постмодернистской археологии, вносит свою лепту в их разви-

¹⁶ Напольских 2005, 26.

¹⁷ Проблемы 2008, 4.

¹⁸ Боталов и др 2008, 16; Рафикова–Матвеева–Берлина 2008, 84–113; Матвеева–Берлина–Рафикова 2008, 165–186; Гущина–Боталов 2016.

¹⁹ Иванов 2008; Пастушенко 2008; Руденко 2013.

²⁰ Боталов–Грудочко 2011, 89, рис. 16, 96–97.

тие. В данном случае он отказывается от такого традиционного для позитивистской археологии инструментария, как *археологическая культура*, и вводит понятие «Историко-культурные Горизонты (ИКГ)».²¹

Что это такое, С. Г. Боталов не поясняет, ограничиваясь только ремаркой о том, что понятие ИКГ наиболее адекватно и корректно отражает *«историко-культурное синкретическое многообразие облика населения лесостепных районов Зауралья эпохи раннего железного века и средневековья»*.²²

В принципе, предложенное автором определение ИКГ по смыслу совпадает с понятием «культурно-хронологический горизонт (КХГ)», данным Н. С. Савельевым и Л. Т. Яблонским для той же, фактически, территории Южного Урала: «Под культурно-хронологическим горизонтом (англ. – cultural horizon), далее – КХГ, мы понимаем географический регион, который значительно превышает размеры культурно-исторической области и практически не имеет географических пределов».²³ Самое интересное следует далее – авторы раскрывают источниковедческое содержание КХГ, состоящее, по их мнению, в следующем: «Специфика горизонта состоит в том, что на определенном хронологическом этапе (фазе) получают широкое распространение археологические артефакты или их комплексы, признаки духовной культуры (в т.ч. признаки погребального обряда и декоративно-прикладного искусства), которые и маркируют данный горизонт (англ. – horizon makers) или маркеры горизонта». Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать выделенные С. Г. Боталовым ИКГ в контексте, предложенном Н. С. Савельевым и Л. Т. Яблонским. По крайней мере, как более понятным.

По данным радиоуглеродного анализа С. Г. Боталов выделяет в Зауралье шесть ИКГ, из которых к нашей теме непосредственно от-

носятся два: бакальский (IV–VIII вв. н.э.) и петрогромско-юдинский (IX–XIV вв.). В материалах бакальского ИКГ исследователь находит свидетельства зарождения керамики кушнаренковско-караякуповского типа («кушнаренковско-караякуповской керамической традиции»).

В принципе, мне этот тезис весьма импонирует, поскольку снимает с повестки дня бесконечные и не имеющие серьезного подтверждения утверждения некоторых археологов о тюрко-башкирской этнической принадлежности «кушнаренковцев» и «караякуповцев». Но на данном уровне развития источниковой базы по археологии лесостепного Зауралья эпохи средневековья он звучит излишне прямолинейно. Самая элементарная статистика показывает, что в Зауралье сейчас на всех памятниках бакальского ИКГ выделено 175 сосудов «кушнаренковско-караякуповского типа». Это менее чем в два раза больше, чем известных в Предуралье сосудов только из погребений (101 сосуд) и более чем в полтора раза меньше, чем выделенных там же сосудов, по степени своей сохранности пригодных для анализа метрических параметров форм, с поселений.²⁴ Так же, как и в Зауралье, на поселениях Предуралья кушнаренковская и караякуповская керамика стратиграфически не расчленяется. Зато кушнаренковские и караякуповские сосуды, как с поселений, так и из могильников, четко дифференцируются по своим метрическим параметрам и орнаментике.²⁵ А кроме того, обнаруживают высокий коэффициент встречаемости в погребениях с хорошо датированными вещами конца VI – первой половины VIII вв. (кушнаренковские сосуды) и середины VIII–IX вв. (караякуповские сосуды).²⁶ Следовательно, если исходить из имеющейся хронологии зауральских и предуральских памятников с керамикой кушнаренковского и караякуповского типов, то картина получается совершенно четкая: на рубеже V–VI вв.

²¹ Правописание мною сохранено: Боталов 2016, 468.

²² Боталов 2016, 468.

²³ Савельев–Яблонский 2014, 478.

²⁴ Иванов 2009, 182–192.

²⁵ Иванов 2009, 190–196.

²⁶ Иванов 1999, 44, рис. 3.

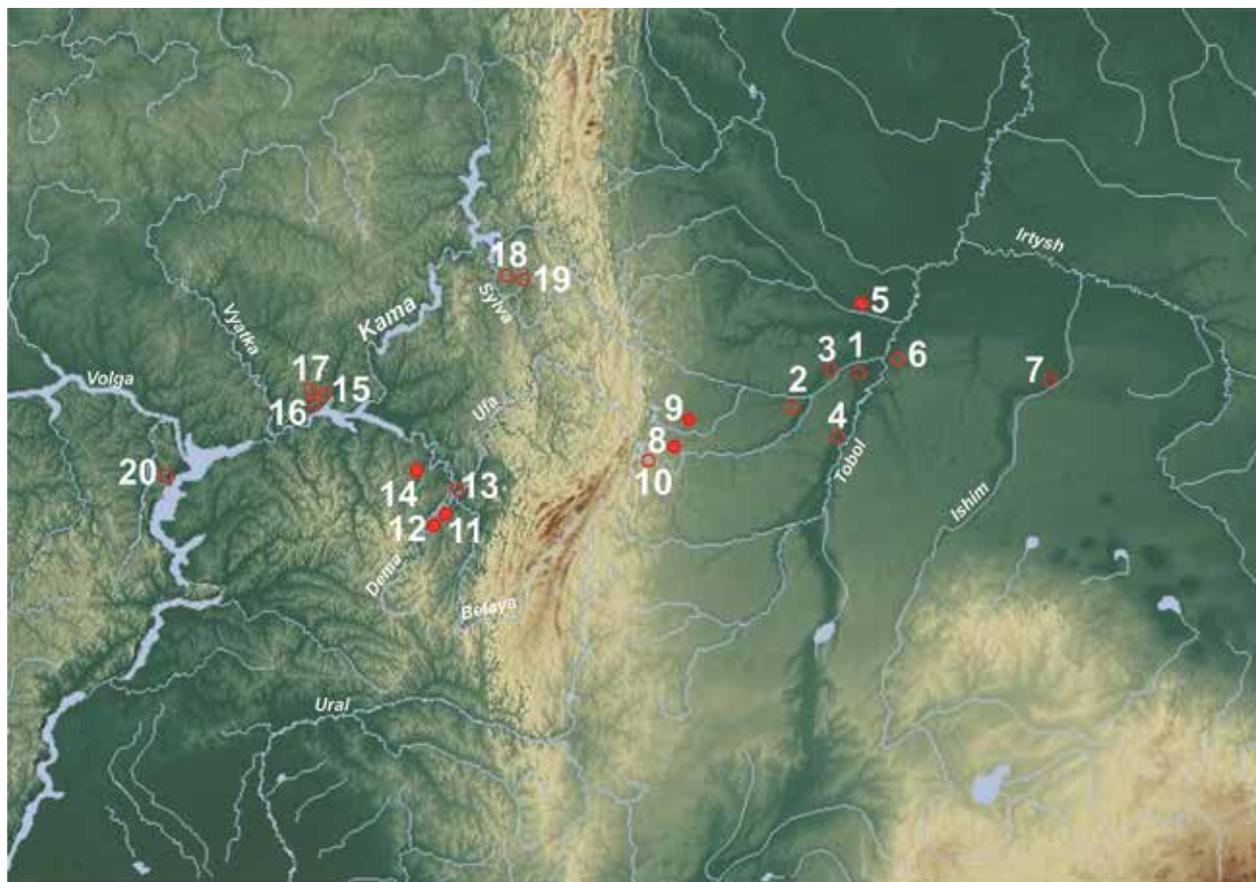

Рис. 1. Карта поселений, с керамикой кушнаренковского и караякуповского типов
 ● абсолютно преобладает ○ составляет не больше 20%

1. kép. A kusznarenkovói és karajakupovói típusú kerámia telepleleteinek elterjedési térképe
 ● abszolút domináns ○ részaránya 20% alatti

в Зауралье формируется бакальская культура (КИО)²⁷, в керамическом комплексе которой присутствуют немногочисленная группа сосудов «кушнаренковско-караякуповской керамической традиции».²⁸ Вот именно для нее, а не для предуральской, может быть применена предлагаемая С. Г. Боталовым двойная аббревиатура – «кушнаренковско-караякуповский тип».²⁹ Вообще складывается впечатление, что исследователь в своих построениях отдает явное предпочтение не эмпирическому, а дискурсивному подходу

к источникам (в данном случае – к археологическому материалу). Все-таки морфологические различия кушнаренковской и караякуповской керамики, в том виде, в каком она стала достоянием археологии, очевидны.³⁰ Поэтому, используя эти типы керамики как маркеры угорско-мадьярской миграции из-за Урала в Предуралье, С. Г. Боталов кушнаренковский и караякуповский «миграционные этапы» вначале различал по их характеру и содержанию.³¹ Делает это он с совершенно благой целью – показать, что

²⁷ Матвеева–Берлина–Рафикова 2008, 170.

²⁸ Считать их полностью кушнаренковскими или караякуповскими не приходится, поскольку по своим морфологическим признакам они отличаются от одноименных предуральских.

²⁹ Боталов 2016, 502.

³⁰ Иванов 2009, 190–196.

³¹ Боталов 2008, 559.

угорско-мадьярский (древне-венгерский) ареал³² на территории Урало-Поволжья был ограничен как в пространстве, так и во времени. И в этом контексте предположение Д. А. Сташенкова о том, что мадьярские кочевья доходили до Самарской Луки уже в V в. н.э. – явно поспешное.³³ Тем более, что опубликованные погребения угров-мадьяр на Самарской Луке – сел. Ош-Пандо-Нерь, Подгорское I – никаких материалов, указывающих на столь раннюю дату достижения древними венграми этой территории, не дают.³⁴ Что же касается «угро-мадьярских» культур Предуралья – кушнаренковской, караякуповской, неволинской – то они известны нам с совершенно четко оформленными морфологическими признаками (погребальный обряд, керамика), с местными предуральскими культурами ничего общего не имеющими. И в Зауралье, если судить по облику и частоте встречаемости на памятниках керамики «кушнаренковско-караякуповской традиции», ее создатели, действительно, обитали недолго, в пределах одного столетия – VI в. н.э.³⁵ Кем они там были, «протовенграми» или какой-то группой угорских племен в составе обширной бакальской КИО (угорской), по имеющемуся материалу понять невозможно. Как они в этнокультурном плане соотносились

с «классическими» приуральскими «кушнаренковцами» и «караякуповцами» – тем более.³⁶

Совершенно очевидно, что только эмпирические лакуны побудили С. Г. Боталова ввести в дискурс о кушнаренковско-караякуповском культурогенезе следующие тезисы: о типологическом сходстве кушнаренковской керамики с имендьяшевской (а через нее, естественно, с бакальской);³⁷ о синхронности кушнаренковской и караякуповской керамики и о необходимости пересмотра кушнаренковско-караякуповской хронологии³⁸; наконец, о некоей вторичности рассматриваемых типов сосудов в бахмутинских и турбаслинских комплексах Предуралья (на поселениях составляют меньшинство, стратиграфически не расчленимое с бахмутинским и турбаслинским материалом).³⁹

Последний тезис опять-таки неточен: стратиграфия городища Уфа-II⁴⁰ убедительно показывает, что бахмутинская, имендьяшевская, турбаслинская, кушнаренковская и караякуповская керамика на разных горизонтах культурного слоя памятника последовательно сменяют одна другую.⁴¹ А отсутствие подобной стратиграфии на других поселениях бахмутинской и турбаслинской культур элементарно объясняется незначительной мощностью культурного слоя этих памятников – 20–40 см.⁴²

³² Древних мадьяр-венгров исследователь видит (и совершенно справедливо) в носителях караякуповской культуры. Боталов 2008, 559.

³³ Сташенков 2016, 12; Тюрк 2016, 4.

³⁴ Лифанов–Седова 2003.

³⁵ Матвеева 2007, 74.

³⁶ Впрочем, как они соотносились с «бакальцами» и что в их культуре, кроме отдельных элементов орнамента на сосудах – горизонтального зигзага, на кушнаренковских сосудах встречающегося очень редко (6,5%), на караякуповских – еще реже (Иванов 2009, 184) – есть еще бакальского, из многословного дискурса С. Г. Боталова понять тоже невозможно.

³⁷ Боталов 2016, 492.

³⁸ Здесь необходимо отметить, что автор либо забыл, либо проигнорировал мою, теперь уже давнюю, публикацию о датировке кушнаренковских и караякуповских комплексах (Иванов 1999, 43–47). Во всяком случае, он никак на нее не отреагировал – типично постмодернистский подход: Боталов 2016, 502.

³⁹ Боталов 2016, 493.

⁴⁰ Мощность культурного слоя которого до 2-х м, а время существования, как поселения, до 1000 лет.

⁴¹ Иванов 2012, 410–411.

⁴² Ново-Турбаслинское II, Кушнаренковское поселения: Мажитов 1962, 151; Генинг 1977, 116.

ЛИТЕРАТУРА

- CONGRESSUS 1980: Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini habitus 9.–15. Septembres 1975. Pars II. Budapest 1980.
- MESTERHÁZY 2003: Mesterházy, K.: The archaeological research of the conquest period. In: *Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium*. Ed.: Visy, Zs. Budapest 2003, 321–325.
- АХМЕРОВ 1952: Ахмеров, Р. Б.: Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. *Советская этнография* 1952:3, 36–49.
- БЕЛАВИН–ИВАНОВ–КРЫЛАСОВА 2009: Белавин, А. М. – Иванов, В. А. – Крыласова, Н. Б.: *Угры Предуралья в древности и средние века*. Уфа 2009.
- БОТАЛОВ 2008: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск 2008.
- БОТАЛОВ 2016: Боталов, С. Г.: Историко-культурные горизонты раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза)*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 468–531.
- БОТАЛОВ–ГРУДОЧКО 2011: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В.: Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово). В: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 79–99.
- БОТАЛОВ и др. 2008: Боталов, С. Г. – Тидеман, Е. В. – Лукиных, А. А. – Вохменцев, М. П.: Новые материалы исследований Большого Бакальского городища. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 6–41.
- ВЕРЕШ 1995: Вереш, П.: Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса. *Acta Ethnographica* 1995, 19–48.
- ГЕНИНГ 1977: Генинг, В. Ф.: Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.). В: *Исследования по археологии Южного Урала*. Ред.: Кузеев, Р. Г. – Мажитов, Н. А. – Пшеничнюк, А. Х. Уфа 1977, 90–136.
- ГУЩИНА–БОТАЛОВ 2016: Гущина, Е. В. – Боталов, С. Г.: Большое Бакальское городище. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза)*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 361–409.
- ДЬЁНИ–ОВЧИННИКОВА 2008: Дьёни, Г. – Овчинникова, Б.: *Протовенгры на Урале в трудах венгерских и российских ученых*. Екатеринбург 2008.
- ЗИМОНИ 2000: Зимони, И.: Венгры в Волжско-Камском бассейне? *Finno-Ugrica* 2000:1, 5–41.
- ИВАНОВ 2008: Иванов, А. Г.: Группы кушнареновско-караякуповского населения между Камой и Вяткой. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 147–161.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- ИВАНОВ 2009: Иванов, В. А. Ещё раз о «кушнареновско-караякуповской проблеме». В: *Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова*. Отв. ред.: Галимова, М. Ш. Казань 2009, 177–196.
- ИВАНОВ 2012: Иванов, В. А.: Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II). В: *Золотоордынская цивилизация* 5. Отв. ред.: Миргалеев, И. М. Казань 2012, 404–414.

- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.
- ЛИФАНОВ–СЕДОВА 2003: Лифанов, М. А. – Седова, М. С.: Средневековые угорские погребения на Самарской Луке. В: *Археология Восточноевропейской лесостепи*. Отв. ред.: Белорыбкин, Г. Н. – Ставицкий, В. В. Пенза 2003, 306–314.
- МАЖИТОВ 1959: Мажитов, Н. А.: Поселения бахмутинской культуры. В: *Башкирский археологический сборник*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. – Кузеев, Р. Г. Уфа 1959, 150–151.
- МАЖИТОВ 1962: Мажитов, Н. А.: Поселение Ново-Турбаслинское II. *Археология и этнография Башкирии* I. Ред.: Кузеев, Р. Г. – Сальников, К. В. Уфа, 1962, 151–161.
- МАТВЕЕВА 2007: Матвеева, Н. П.: Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье. В: *Ab Origine. Проблемы генезиса культур Сибири*. Отв. ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2007, 63–75.
- МАТВЕЕВА–БЕРЛИНА–РАФИКОВА 2008: Матвеева, Н. П. – Берлина, С. В. – Рафикова, Т. Н.: *Коловское городище*. Новосибирск 2008.
- МОЛЬНАР 1955: Мольнар, Э.: Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae* 13 (1955) 137.
- НАПОЛЬСКИХ 2005: Напольских, В. В.: Йогра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия). *Антропологический форум* 2005:3, 2–30.
- МЕРПЕРТ 1958: Мерперт, Н. Я.: Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях. В: *Очерки истории СССР. III–IX вв. н.э.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1958, 674–683.
- ПАСТУШЕНКО 2008: Пастушенко, И. Ю.: Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы (керамический комплекс). В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 142–146.
- ПИЛИПЧУК 2015: Пилипчук Я. В.: Башкирсько-угорська проблема (дискурс джерел та стереотипи історіографії). В: *Український історичний збірник* 18. Ред.: Чухлиб, Т. Київ 2015, 288–299.
- ПИЛИПЧУК 2015а: Пилипчук, Я. В.: Предыстория венгров и венгеро-пермская проблема. *Гасырлар Авазы – ЭхоВеков* 2015:1/2, 121–132.
- ПРОБЛЕМЫ 2008: *Проблемы бакальской культуры: материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры, г. Шадринск, 5–6 ноября 2007 г.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008.
- РАФИКОВА–МАТВЕЕВА–БЕРЛИНА 2008: Рафикова, Т. Н. – Матвеева, Н. П. – Берлина, С. В.: Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища В: *Ab Origine. Проблемы генезиса культур Сибири* 2. Отв. ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2008, 84–113.
- РУДЕНКО 2013: Руденко, К. А.: О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения среднего Поволжья «в эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане). В: *Теория и практика археологических исследований*. Отв. ред.: Тишкин, А. А. Барнаул 2013:2, 58–74.
- САВЕЛЬЕВ–ЯБЛОНСКИЙ 2014: Савельев, Н. С. – Яблонский, Л. Т.: Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Урала. В: *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Серия «Археология евразийских степей»* 20. Ред.: Кузьминых, С. В. – Чижевский, А. А. Казань 2014, 478–504.
- СПИЦЫН 1914: Спицын, А. А.: Венгерские вещи X века в России. *Известия Императорской Археологической Комиссии* 53. Петроград 1914, 107–110.
- СТАШЕНКОВ 2016: Сташенков, Д. А.: О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум по археологии. Тезисы*. Ред.: Тюрк, А. Budapest 2016, 12.

- СТЕПАНОВ 1964: Степанов, П. Д.: Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. В: *Археология и этнография Башкирии* II. Уфа 1964, 144–146.
- ТЮРК 2016: Тюрк, А.: Актуальные вопросы теории и практики исследования происхождения угромagyar. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум по археологии*. Тезисы. Ред.: Тюрк, А. Budapest 2016, 4.
- ХАЛИКОВА 1976: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.
- ШМИДТ 1929: Шмидт, А. В.: *Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. «Хозяйство Башкирии»*. Уфа 1929, 8–9, 26.